

"ПОДПОЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК" В КИТАЙСКОМ РАССКАЗЕ "ПАДЕНИЕ" ЮЙ ДАФУ

"UNDERGROUND MAN" IN CHINESE STORY "SINKING" OF YU DAFU

Yin Lu

Annotation

The article tackles image "underground man" which was created by Russian writer Dostoyevsky through touching character's spiritual structure and psychological confliction the early story of Yu Dafu. In the beginning of 20 century after "May Fourth Movement" 1919, uncovering true human nature and intellectual pathological psychology allowed understanding the contradiction between human naturalness and human social nature. It also provided possibility to break the fence of conservatism from old society.

Keywords: underground man; sinking; psychological conflict; spiritual structure; pathological psychology.

Инь Лу

Аспирант, Кубанский
государственный университет

Аннотация

В статье рассматривается духовная структура и психологический конфликт образа "подпольного человека", впервые открытого Ф. М. Достоевским, на примере героя раннего рассказа китайского писателя Юй Дафу "Падение". В начале XX века, после "Движения 4 мая" 1919 года, раскрытие истинной природы человека и патологической психологии интеллигенции позволило понять противоречие между человеческой сущностью и социальной ролью личности. Тем самым была дана возможность сломать барьер консерватизма старого общества.

Ключевые слова:

Подпольный человек; падение; психологический конфликт; духовная структура; патологическая психология.

Китайская литература долгое время не знала писателя подобного Достоевскому, творца со схожим мировоззрением и трагической судьбой. Герои Достоевского наделены бурным и противоречивым внутренним миром. В их душах всегда вступают в конфликт "согласие" и "несогласие". "Подпольный человек", архетип, впервые открытый Достоевским, был создан, чтобы описать сознание и подсознание – двуединую духовную структуру раздвоенного человека. "Я горжусь, что впервые вывел настоящего человека русского большинства и впервые разоблачил его уродливую и трагическую сторону. Трагизм состоит в сознании уродливости... Только я один вывел трагизм подполья, состоящий в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и в невозможности достичь его и, главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит и исправляться!" [2. с. 329] Достоевский имел в виду не большинство русских, которые в те времена были в большинстве своём патриархальными крестьянами, но сознание среднего горожанина, маленького человека, порожденного отчуждающей бюрократической эпохой. Шокировавшее многих современников писателя произведение оказало огромное влияние на мировую литературу. Художественная смелость раскрытия характера Подпольного предшествовала не менее дерзновенным попыткам воплотить трагедию уединенного сознания. Подпольный человек Достоевского стал предком многочисленных героев-аутсайдеров XX века. Вли-

яние "Записок из подполья" не могло обойти стороной и китайскую литературу XX века, рождавшуюся во взаимодействии с мировой культурой.

В начале XX века произведения Достоевского были переведены и изданы в Китае. Вдохновленный его творчеством, китайский писатель Юй Дафу создал автобиографический рассказ "Падение", датированный 1921 годом. Тема рассказа – уныние молодого интеллигента, происходящее от противоречия между индивидуальным сознанием и реальностью, идеалом и общественным укладом. Безымянный герой рассказа переживает глубокий духовный кризис, сближающий его с Подпольным Достоевского. Внутренний монолог и разговоры с самим собой осуществляют непрерывный диалог между сознанием и подсознанием героя. Так человеческая природа получила адекватное художественное воплощение. Гуманизм писателя проявился в положительном отношении к феномену подсознания как неотъемлемой и важнейшей части человеческой личности. Тем более писатель отразил социальные веяния, протестующие против пережитков феодального наследования и требующие освобождения личности.

Многие молодые интеллигенты неоднократно сталкивались с непреодолимыми препятствиями общественного угнетения. Им приходилось сопротивляться необычным методом: они постоянно впадали в противо-

речие между неизбежностью и недопустимостью падения. Они рефлексуют и упрекают себя, они никак не могут выбраться из этого тупика и воодушевиться. В конце концов, им остается только покончить с собой. Так Юй Дафу раскрывает глубину страдания и внутренние препятствия в процессе формирования личности интеллигента. Страстный идеалистический исповедальный метод, родственный порывам западного романтизма, позволяет раскрыть эту драму.

В самом начале рассказа "Падение" писатель сосредоточился на изображении противоречивого состояния молодого человека, получившего традиционное образование, утомленного реальностью и находящегося под влиянием западного образования и современных идей. "В последнее время он чувствует себя жалким, уединённым и заброшенным. Его рано развившийся характер ожесточился до такой степени, что сделал его несовместимым со всем миром. Стена между ним и простыми людьми становится всё выше и выше" (здесь и далее – перевод наш) [6, 1] Учась за границей, студент испытал свежие впечатления и ощутил внутренний подъем от знакомства с зарубежной культурой и взглядами. В результате произошло столкновение между двумя культурами в его сознании. Открытое и прогрессивное сознание японцев, скинувшее феодальные ограничения после Реставрации Мэйдзи, и романтическая поэзия Вордсворта открыли окно в его закрытой душе, солнце свободы и демократии осветило его сердце. Вместе с тем оживает его первоначальная страсть, половое влечение. Сначала он воспринимал все новое радостно и жадно. Но сформированные традиционной китайской культурой консервативные взгляды и рано сложившийся характер привнесли отчужденность в его отношения с внешней средой и стали причиной его плохой адаптации.

Возникшее уединение всё время сопровождает его, становится его доминирующим повседневным душевным состоянием. Одиночество, крайнее тщеславие, самоуничтожение, беспокойство и поиски жизненного пути – все это определило патологический душевный путь оторванного от городской жизни подпольного человека в рассказе "Падение". Он не может уклониться от бурной борьбы консервативного сознания с живыми чувствами, найденными в глубине его души. Именно в этой борьбе заключается противоречие двух культур и двух идей, заключенных в его сознании. Как и Подпольный человек Достоевского, герой рассказа в своем мире исполняет две роли одновременно: ответчика и судьи, свидетеля и адвоката. Раскрывая своё преступление, он в то же время оправдывает себя.

Герой не может обрести мир в собственной семье. "На самом деле, этот разрыв произошёл из-за него самого. Ссора в своей семье хуже конфликта с посторонними" [там же, 25–26] Его восторженные порывы пыта-

ются преодолеть разрыв между ним и унижавшими его людьми. "Я простил вас! Я полюбил вас! Люди добрые, если вы меня когда-то обидели – я вас всех простил! Придите ко мне, помириться со мной!" [там же] Порыв всепрощения Подпольного схож с кабацкой исповедью Мармеладова и покаянием на площади Раскольникова. Как и порывы героев Достоевского, возвышенная декларация человечности обречена на неудачу. Внешний мир, воплощенный общественным мнением, остается глух к отчужденной личности, пытающейся до него достучаться.

Традиционное сознание, выросшее на плодородной почве китайской культуры, с давних пор уделяет мало внимания личным особенностям, сосредотачиваясь на общественной морали. Когда "движение за новую культуру" бурно развивалось, большинство китайцев по-прежнему продолжало игнорировать личностные психологические патологии. Безразличие не может не травмировать личность: "...человек, который из тех многочисленных зол и унижений, которые уготованы ему враждебным ему обществом, больше всего страдает от того, что, сознавая себя личностью, он в то же время поставлен в условия, в которых личность не только не может о себе заявить, но на каждом шагу подвергается бесчисленным, новым и новым унижениям" [5, 46]. Презрение окружающих провоцирует самоуничтожение: "Мысль о том, что самое страшное унижение для человека – пренебрежение его личностью, заставляющее его чувствовать себя ничтожной, затертой грязными ногами "ветошкой"..." [там же, 47].

Испытав влияние Достоевского, создавшего в своем художественном пространстве грандиозную галерею персонажей с личностными расстройствами, Юй Дафу касается патологической психологии. Китайский писатель отразил мрачную, унылую и пассивную патологическую психологическую тенденцию развития личности, а не здоровую идеальную социальную ценностную ориентацию. Но его герой по-настоящему психически болен. Рассказ отражает пробуждение долгое время игнорированного обществом сознания аутсайдера. "Разговаривай с самим собой: это твоё лучшее убежище. Обыватели тебе завидуют, смеются над тобой, шутят над тобой..." [6, 2].

С точки зрения Подпольного человека, разногласие большинства и меньшинства заключается в том, что "Я – то – один, а они – то все" [1, с. 125] Главное разногласие между индивидом и общиной заключается в ценностном противоречии. Для общины материальные интересы выше духовной свободы, безопасный порядок важнее независимости личности, поведение и образ мысли здесь направляются внешней властью, чужой волей. А у индивида ценностный выбор диаметрально противоположен: духовная свобода и индивидуальная независимость

превыше всего, необходимой отправной точкой мысли и деятельности непременно являются своя воля и свои внутренние принципы.

Подпольный человек отказался от "счастья" и "безопасности", дарованных разумом, и решительно отправился по тяжелому и горькому пути. "Униженный", "оскорбленный", "высмеянный", "игнорированный" – эти слова стали клеймом на его жизни. В этом плане он остался образцом "великолепного мученика" в истории человеческой мысли. Герой "Падения" – трагедийный образ человека, защищающего ценность личности в уродливом обществе. Трагизм повествования состоит в том, что путь героя не может привести к счастливому концу. В данный исторический момент подпольный человек неизбежно остается в одиночестве и живёт в мире, где большинство людей следует принципам разума. Со стороны он кажется сумасшедшим, потерявшим здравый рассудок. Окружающие, видя его сопротивление рациональному принципу, постоянно игнорируют его и высмеивают его странную жизнь. Герою пришлось отдалиться от толпы и уйти в подполье. Он сам словно "...беспрерывно всем уступающая муха, всеми униженная и всеми оскорбленная" [1. с. 130]. "Он всегда старается избежать своих однокурсников. Но всюду он чувствует их взгляды, отравленными стрелами вонзающиеся ему в спину" [6, 6]. Одиноким, отторгнутым от других герой упорно защищает свою свободу. "Несмотря на то, что на уроке он сидит среди однокурсников, он все-таки чувствует одиночество: и это нестерпимое одиночество в толпе ощущается острее, чем в безлюдном месте" [там же, 6].

В "Падении" подробно описано психологическое противоречие и беспокойство, вызванное этим противоречием. Фрейд видел два пути освобождения человека от импульса влечения к исходной страсти. Первый путь – отвлечение, осуществление сублимации, творчества на благо обществу. Второй – внутреннее сдерживание, усугубляющее психическое заболевание вплоть до полного безумия. Герой Юй Дафу выбрал второй путь. "Он обвиняет себя и боится, всё это мучает его каждый день. Его депрессия становится всё тяжелее" [там же, 18] Психологическое давление постепенно подтачивает его изнутри, подводя героя к трагическому концу.

По мнению Ницше, нигилизм – это процесс. "Высшие истины теряют свою ценность" [4, 31]. Первый этап этого процесса выражается в поисках смысла и разочаровании после бессмысленного поиска (Ницше называет эту стадию становлением). "...и вот наступает сознание, что становлением ничего не достигается, ничего не обретается... Следовательно, разочарование в кажущейся цели становления как причина нигилизма: разочарование по отношению к вполне определенной цели или вообще сознание несостоятельности всех донныне существующих гипотез цели, обнимающих собой весь путь

"развития" (человек более не сотрудник и менее всего средоточие всякого становления)" [там же, 33]. Безумный нигилизм воплощается в доходящем до отчаяния разочаровании после неудачи поиска. Психологическое состояние подпольного человека развивается именно таким образом.

Развитие нигилизма в характере героя проходит три стадии: поиски себя – отрицание себя – отрицание других. Родина слаба, унижена и зависима от агрессивных западных держав, что не может не беспокоить героя. Но он скорбит не только о народе и родине. В большей степени он обижен на себя и на свою недостижимую любовь. Он сокрушается: "Мне двадцать один год – и я как засохшее дерево! Мне двадцать один год – и я как остывший пепел!" [6, 9]. Печальясь о несправедливой судьбе, он переосмысливает свою жизнь. Но он не может найти ответ, по-прежнему сокрушается, колеблется и топчется на месте. Из-за внутренних поисков и постоянного самоанализа он долго живет в одиночестве, и все это приводит его к самоотрицанию. "Как я дошел до этого? Я уже превратился в низшего человека" [там же, 35]. Длительное беспокойство сопровождает самоотрицание, переходящее в отрицание всего и вся. Неясность жизни приводит его в отчаяние. Крайняя степень отчаяния – желание покинуть эту жизнь, уйти от самого себя. "Как мне жить? Зачем я живу на этом горьком свете?" [там же, 35] Независимый, замкнутый в себе герой относится к миру и будущему без всякой надежды, не хочет улучшать мир и свою жизнь, порывая и с миром, и с жизнью.

Юй Дафу считает самораскрытие и исповедь важным шагом на пути к преодолению ханжества и достижению душевной свободы. В рассказе "Падение" описан процесс зарождения страсти, попытки внутреннего сдерживания и падение. В психологической деятельности героя наглядно раскрыт конфликт внутренней структуры личности. Самораскрытие и исповедь становятся нравственным пробуждением героя. Высказанное страдание отражает его истинную личность. Настоящая психология индивида выражается идейным отчаянием и отрицанием. Однако утверждение и отрицание кажутся ему одинаково бессмысленными. Герою не удалось преодолеть свою судьбу, он окончательно стал чуждым обществом лишним человеком. Он никогда не противился ни своему юношескому страданию, ни мнению разочарованного в нем общества. Обратившись лицом к своему внутреннему миру, он спрятался вглубь своей природы, желая уйти от ненавистного ему, "грязного" общества. Когда бегство в себя не смогло преодолеть его уныние и противоречивость, он решительно стал на путь саморазрушения. Таков окончательный итог усилий подпольного человека.

Герой Юй Дафу – обобщающий образ, воплощающий в себе не только китайского интеллигента, но и человека

эпохи кризиса духа вообще. XX век, время ломки традиционного мировоззрения, породил не только революционеров и мучеников, но и оторванных от внешнего мира одиночек.

Безымянность героя позволяет раскрыть универсализм сюжета рассказа. Подпольный Юй Дафу – каждый и никто. Он близок не только к маленькому человеку XIX века, но и к героям Кафки и Оруэлла, гибнущим под гнетом безразличного к личности общества. Близок он и к Мерсо, агонизирующему экзистенциалистскому антигерою "Постороннего" Камю. Но наибольшее сродство у героя Юй Дафу все же с его предшественниками из книг Достоевского. Ранее мы отметили их общие черты, но нам необходимо раскрыть их различия.

Сходство китайского студента с персонажем Достоевского заключается в идентичности главной черты их психологии – упоении страданием. Мазохизм, свойственный саморазрушающимся личностям, доминирует во внутреннем мире обоих героев, окрашивая поэтику текстов темными красками отчаяния. Отметим и разницу их сознаний. Про героя Достоевского нельзя сказать, что он деградирует – русский Подпольный уже безвозвратно находится на дне самим собой созданного ада. Падение состоялось в далеком прошлом героя, став базой его мрачной картины мира. Герою Достоевского уже некуда падать – и поэтому метафора падения, вынесенная в заглавие рассказа Юй Дафу, к нему неприменима, она не смогла бы отразить своеобразие взбаламученной бесконечными терзаниями статики сознания героя. Эта парадоксальная устойчивость придает ему силы не порывать с жизнью, не "ставить точку пули в самом конце". Русский аутсайдер оказывается более устойчивым перед лицом чужого презрения. Его главный недостаток становится его броней. Мысленная жвачка спасает его от мучительных воспоминаний. Солипсизм и эгоцентризм – это испытанные, проверенные на личном опыте механизмы психологической защиты. Так он пытается возвыситься над отвергнувшим его обществом – и в какой-то мере это ему удается: "Ощущающий себя ничтожным плебеем в обществе своих школьных друзей-аристократов, герой "Записок" высоко поднимается над ними в горделивом, свободном, раскованном полете мысли, отвергая все общеобязательные социально-этические нормы, которые он считает досадными и ненужными помехами, стесняющими человека и мешающими его освобождению. В опьянении открывшейся ему безграничной свободы духовного самопроявления он готов признать единственным законом для себя и всего мира свой личный каприз" [3, 18] Китайский же Подпольный обречен на гибель в силу не столько слабости как таковой, но по причине неустойчивости своего характера. Механизмы психологической защиты китайца отказывают, в то время как отчуждение русского Подпольного – это действенный вид самосохранения. Если внут-

ренний мир русского можно уподобить замкнутой системе метрополитена, то душа китайца становится похожим на шахту, в грозную глубину которой спускается клеть раздавленного между "Сверх-Я" и "Оно" собственного "Я". Китайский Подпольный человек не смог найти выхода из лабиринта своего подсознания. Дурная бесконечность отчаяния без остатка поглотила его личность. Если Подпольный человек Достоевского замыкается в себе, но не капитулирует перед миром и собственной темной стороной, отграничивая их от себя, то герой Юй Дафу сдается, не в силах противостоять внешней агрессии и внутренней тяге к смерти.

Мотив отторжения от внешней среды сближает образ Подпольного с рядом других героев Достоевского. Так, сходные проблемы мы наблюдаем у Раскольникова, Ипполита, Шатова, Подростка. Если Ипполит – пример безнадежно направленного на смерть поведения, то с остальными все сложнее. Раскольников – это случай преодоления отчуждения. Его, казалось бы безнадежно погибшего убийцу, преобразует любовь отверженной обществом Сони ("Их воскресила любовь", говорит рассказчик "Преступления и Наказания"). Шатов отрекается от нигилистических идей и гибнет перед тем моментом, когда он смог бы вернуться к людям. Подросток перевоспитывает себя написанием автобиографии, оставляя за бортом "Ротшильдовскую идею" и травмированное сознание незаконнорожденного.

Если эти герои Достоевского, в конце концов, прорываются через пелену отчуждения, обретая других людей и свое истинное Я, то герой Юй Дафу окончательно замыкается в себе. Однако это не значит, что его исповедь была бесполезна. Своим страшным примером она показывает те ловушки, в которые может попасть каждый человек, ощущающий свою обособленность от других. Но его откровения не способны преобразить его самого. Китайский Подпольный не выходит за пределы собственной личности, внутреннего преобразования не происходит, тьма берет в нем верх.

Ситуация обоих художественных пространств имеет одну частную отличительную черту, отделяющую произведение Достоевского и Юй Дафу от других текстов со схожей проблематикой. Это конфликт Запада и Востока, причем лишенный шаблонных противопоставлений – подобие традиционной антитезы человека традиции и человека современной цивилизации (как у романтика Шатобриана). Это конфликт серьезнее, потому что это спор не отдельных представителей противоборствующих цивилизаций, но столкновение культур внутри героя. Рассказ "Падение" раскрыл конфликт Востока и Запада внутри одной отдельной взятой личности. Героя раскалывают культурные противоречия внутри него самого. Гибель героя, таким образом, обусловлена не только личными причинами, но и столкновением цивилизаций,

делая текст знаком эпохи. Здесь снова видима связь с Достоевским, вызванная совпадением общественных ситуаций. У русского пореформенного сознания и находящегося в сложных отношениях к европейской культуре китайского менталитета много общего. Конфуцианская мораль и православие тысячелетиями обеспечивали народное единство, несмотря на чудовищные социальные потрясения. Но отсталость обеих стран требовала реформ, невозможных без проникновения западного влияния. Пётр I и его наследники провели ряд реформ, преобразивших лик России. Петровские реформы, по словам Мережковского, создали русскую интеллигенцию. Но почвенник Достоевский говорил о чудовищном разрыве между народом и образованным слоем, предостерегая русских интеллигентов о потере связи с народом. Его слова – прекрасная иллюстрация тому, что происходит с подпольными людьми любой нации. Почва перестает подпитывать их, они становятся беспочвенными и, вследствие этого, беззащитными перед житейскими бурями. Примером этого служит судьба Подпольного человека Юй Дафу. Отметим, что хотя русское сознание столкнулось с западной цивилизацией несколько раньше, чем китайское, но сам тип восприятия перемен народом отмечен рядом сходств. Так, петровские реформы вызвали сопротивление старообрядцев.

Реформы принца Гуансюя были прерваны переворотом под руководством императрицы Цыси, имевшей народную поддержку. Союз мятежников-ихэтуаней и императорского двора привел к радикальной попытке стереть все следы западного влияния, закончившейся грандиозным военным поражением Китая от лица союзных держав в 1901 году. Это противостояние не могла не найти отражения в китайской литературе.

Другой, не менее важной проблемой текста становится кризис семьи. Мы видим, что герою не удается даже жить в мире с семьей, он становится чужим своим родным. Кризис семьи – одна из важнейших тем искусства

XX века. "И враги человеку домашние его" (Мф. 10; 36) – в эпоху распада семейных связей эта евангельская истина стала актуальна как никогда. Творчество многих писателей прошлого века, от Горького до Камю, отразило катастрофу распада семьи. Мы хотим отметить в случай, во многом схожий, но по сути своей противоположный безнадёжно мрачной атмосфере "Падения". Это жизненный путь бунтаря Жака Тибо из эпопеи Роже Мартена Дю Гара "Семья Тибо". Жак, некогда отвергнутый обществом подросток, отправленный в исправительную колонию своим деспотичным отцом, "столпом" буржуазного общества, прошел через долгую череду испытаний, завершивших его становления как борца. Общество не сломало его волю. Его героически-нелепая гибель пацифиста-одиночки противостоит самоубийству Подпольного. Смерть Жака наполнена смыслом – это самопожертвование, а не бесплодное самоуничтожение.

Подводя итоги, мы скажем, что Юй Дафу создал поражающий нас тип отчужденного нигилиста, стремящегося к собственной гибели. Судьба Подпольного – одновременно предостережение оторвавшимся от мира интеллектуалам и критика этого косного мира, безразличного к отдельной личности. Поэтика рассказа "Падение" мрачна. Катарсис заменен беспощадной концовкой. Это проза XX – жестокая, бескомпромиссная, отражающая дух "вывихнутого" времени. Юй Дафу раскрыл ряд важнейших проблем – личностных, семейных, национальных. Китайский писатель спорит со своим предшественником и вдохновителем Достоевским, отказывая своему герою в самой возможности спасения. Достоевский видел спасение в возврате к почве, традиционным ценностям – а Юй Дафу показывает, как эти ценности, с их пренебрежением к ценности индивида, могут подвести к гибели. Утопический возврат к старой морали не вдохновляет писателя эпохи мировых войн. Но он соглашается с русским писателем в главном – в том, что каждый имеет право быть личностью, каждый имеет право на сострадание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 5.
2. Достоевский Ф. М. Полное собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 16.
3. Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1982. Т. 1.
4. Ницше Э.Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. Пер. с нем. Е. Герцык и др. М.: Культурная революция, 2005.
5. Фридлиндер Г. М. Достоевский и мировая литература. Л.: Сов. писатель, 1985.
6. Юй Дафу. Полное собрание: в 12-ти т. Изд-во Современная художественная литература, 2000. Т. 1.